

ДИНАМИКА ДИАЛОГА В КОНФЛИКТАХ: ВТОРОЙ ТРЕК

Сондерс Г. Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / Пер. с англ. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 382 с.¹

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-135-146

I. Введение

На современном этапе Россия все активнее вовлечена в переговоры по мирному урегулированию вооруженных конфликтов за рубежом, в т. ч. в формате диалога так называемого *второго трека*.² «Первый трек» применительно к мирному процессу обозначает прямые или модерируемые переговоры между сторонами конфликта на официальном уровне (для государств-участников конфликта – на правительственном уровне, для негосударственных группировок вооруженной оппозиции – на уровне высшего эшелона их руководства). В отличие от первого трека, *второй трек* – это систематические консультации на неформальном, неофициальном, неправительственном уровне с участием экспертов, общественных деятелей и иных граждан. Хотя они, как правило, не являются прямыми представителями сторон конфликта, они способны выражать и обсуждать позиции сторон и отражают настроения более широких общественных кругов. Иногда в переговорах используется смешанная модель – полуофициальный диалог с участием как «общественников» и экспертов, так и официальных лиц, обычно второго или третьего эшелона (такую модель именуют расширенным «вторым треком» или «полуторным треком»).

В 2010-е гг. российская сторона и сама выступала инициатором, организатором и модератором переговорных процессов за рамками первого трека, и предоставляла площадку для них, и содействовала их проведению на других площадках. В качестве примеров можно привести межафганский диалог в Москве (первые два раунда которого состоялись в феврале и мае 2019 г.), Конгресс народов Сирии в Сочи (февраль 2018 г.), а из более длительных консультаций – межпалестинский диалог под эгидой Института востоковедения РАН (последний раунд которого с участием десяти палестинских группировок состоялся в феврале 2019 г., а предыдущий – в начале 2017 г.). Реже российские специалисты и общественники сами становились прямыми участниками таких переговоров.³

После длительного спада в постсоветский период в текущем десятилетии наблюдается явный рост международного влияния России и ее внимания к международным делам и вооруженным конфликтам за пределами своих границ, в

Степанова Екатерина Андреевна – ведущий научный сотрудник, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН

т. ч. *за пределами* того региона, к которому она принадлежит и где играет роль ведущей макрорегиональной державы – постсоветской Евразии. При этом отход России от идеологических догм и императивов СССР, от советских претензий на глобальное лидерство и создание военно-политических блоков с глобальными амбициями, регионализация и диверсификация российской внешней политики, высокий уровень ее прагматизма, культурно-религиозного релятивизма, ее цивилизационная гибкость, отсутствие у России (и россиян) постколониальных комплексов, ее способность вести диалог с региональными державами в разных районах мира «на равных», а не в качестве «миссионера», «ментора» или «глобального полицейского» делают ее все более желательным партнером и модератором для конфликтующих сторон в разных регионах мира, от Ливии и Йемена до ЦАР и Афганистана.

Растущая актуальность участия России в мирных процессах в разных формах и качестве очевидна. Есть основания полагать, что она будет только усиливаться. При этом Россия не просто не чужда формату второго трека и не просто не новичок в этом деле, а в буквальном смысле слова причастна к его формированию как формата. Наряду с представителями экспертно-политических кругов США, советские, а впоследствии и российские специалисты стояли у самых истоков разработки этого формата, а первые опыты его практической апробации были в основном сосредоточены на усилиях по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве (гражданской войны в Таджикистане и конфликта вокруг Нагорного Карабаха).

На этом фоне – как в контексте активизации роли современной России в мирных переговорах, так и с точки зрения отечественного опыта в сфере создания и разработки самого формата второго трека еще в советский период – трудно найти более актуальную работу, чем русское издание книги Гарольда Сондерса «*Устойчивый диалог в конфликтах*», вышедшее в 2019 г.⁴ (оригинальное издание было опубликовано еще в 2011 г.).

Г.Сондерс – американский дипломат, директор Бюро разведки и исследований госдепартамента США в 1975–1978 гг. и помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии в администрации Д.Картера в 1978–1981 гг. В этом качестве он добился значительных достижений в сфере ведения мирных переговоров, в т. ч. по заключению Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 г. и договора о мире между Израилем и Египтом 1979 г., а также в переговорах по освобождению американских заложников в Тегеране в 1979 г. Впоследствии Сондерс получил известность как ученый и один из создателей и ведущих специалистов по организации переговоров в формате второго трека. В последнем качестве он наиболее известен, в том числе – и особенно – в России, как сопредседатель Рабочей группы по региональным конфликтам советско-американской Дартмутской конференции, а также как автор пятиступенчатой модели устойчивого общественного диалога и активный ее проводник на практике, наиболее успешно – в рамках межтаджикского мирного урегулирования в 1990-е гг. Со смертью Г.Сондерса в марте 2016 г. издание его последнего труда на русском языке стало и своеобразной данью памяти ему со стороны как его ближайших российских коллег и друзей, так и более широкого отечественного экспертного, научного и гражданского сообщества.

II. Концепция «устойчивого диалога» и ее апробация

Значительная часть первых разделов книги (вся Часть I и большинство глав Части II) посвящены предыстории вопроса в контексте т. н. Дартмутского процесса в период с 1960 по 1982 г. и формирования и работы двусторонней советско-американской Рабочей группы по региональным конфликтам в рамках этого формата в 1982–1992 гг. Эти разделы в основном содержат не новый материал, а выдержки из предыдущих работ автора.

Для широкого читателя эти разделы могут быть особенно интересны тем, что повествуют о мало известном среди неспециалистов факте – о том, что, собственно, идея и практика неправительственного, гражданского диалога («второго трека») как части мирного процесса выросла из совместного советского опыта с американцами. Однако для нас в данном случае эта советско-американская предыстория, или первый этап истории, формата «второго трека» в годы «холодной войны» как раз менее интересна. О Дартмутском процессе тех лет на экспертном уровне написано и сказано достаточно, в т. ч. его непосредственными участниками. Однако этот процесс был в полной мере отражением и порождением биполярной эпохи – в том смысле, что тогда диалог велся между экспертами и представителями общественных кругов СССР и США как двух равнозначных стран-лидеров противоборствующих блоков в «холодной войне». Дартмутская конференция как условно неправительственный⁵ формат экспертно-гражданского диалога по линии между двумя основными антагонистами по «холодной войне» была создана и работала в рамках относительно жесткой и иерархически структурированной мировой системы и соответствующего этапа в развитии международных отношений. При всем уважении к Дартмутскому процессу и его участникам он (как, например, и Хельсинский процесс) был приспособлен к эпохе относительной стратегической стабильности и глобального стратегического баланса. Хотя две сверхдержавы были разделены не только военно-политическим (геополитическим) и политэкономическим противостоянием, но и принципиальными идеологическими разногласиями, они в то же время находились в отношениях паритета и их официальные и общественные круги разговаривали между собой на равных.

Общественно-гражданские форматы, созданные при участии советских специалистов и общественности в ту эпоху, в т. ч. на исходе «холодной войны», вряд ли – *именно по своей сути и духу* – могут быть воспроизведены с участием российской стороны на современном этапе (особенно на двусторонней российско-американской основе). Это так – если, конечно, речь не идет либо, как минимум, о существенной трансформации такого диалога в какие-то новые разновидности второго трека, либо о попытках имитации прежнего формата, в т. ч. под названием и «брендом» Дартмута, где от общественно-экспертных дискуссий в форме гражданского диалога, но на равных, между равными и на фоне относительной стратегической стабильности не осталось и камня на камне (вплоть до банальных технических моментов, включая, за редкими исключениями, одностороннее американское (западное) финансирование таких формально «двусторонних» диалогов в первые десятилетия постсоветского периода).

При этом Дартмутский процесс и его внимание к проблематике региональных конфликтов в эпоху «холодной войны» представляют не только безусловный исторический интерес, но и аналитический стимул. В рамках исследования современных проблем мира и конфликтов он особенно интересен как опыт создания и отладки формата «второго трека» как такового и его динамической

модели, а также в контексте его развития и применимости к урегулированию вооруженных конфликтов XXI в. Иными словами, на исходе 2010-х гг. нам в меньшей степени интересна долгая предыстория создания концепции «устойчивого диалога» в давно ушедшую эпоху. Гораздо более актуальна миротворческая роль описанной Сондерсом модели, ее испытание на практике в первые постбиполярные десятилетия, а также ее преимущества и недостатки, особенно в свете дальнейшего развития и роста использования формата второго трека.

(а) Концепция пятиступенчатого устойчивого диалога

Основные принципы концепции Г.Сондерса (иногда именуемой также моделью «Сондерса-Чуффрина», по имени сопредседателей Дартмутской Рабочей группы по региональным конфликтам)⁶ изложены им в Главе 8 «Концептуализация процесса». Ценность материала, предоставленного Сондерсом, еще и в том, что он буквально показывает «кухню» процесса – то, как постепенно, шаг за шагом, с каждым новым витком новых переговоров, складывалась сама концепция, как по ходу дела корректировались ее название и акцент. Если в 1991 г. Сондерс впервые употребил для ее обозначения термин «мирный процесс силами гражданского общества» (с. 136), то уже ближе к концу десятилетия, после 30 встреч Рабочей группы по региональным конфликтам и апробации концепции на практике в ходе 20–25 встреч межтаджикского диалога, он пришел к ее «финальному» обозначению как «устойчивого диалога». Следует выделить три основы этой концепции.

Первая – это упор на «мирный процесс *силами гражданского общества*» (“a public dialogue”). Неформальная, или общественная, «дипломатия», т. е. диалог на неправительственном, неофициальном уровне, имела место и ранее как дополнение к официальной дипломатии («дополняющая дипломатия»). За десять лет до Сондерса в 1981 г. для ее обозначения был введен более универсальный и нейтральный термин: переговоры (диалог, дипломатия) «*второго трека*», который автор этой рецензии и поныне считает предпочтительным. Однако, если понятие «второго трека» изначально подразумевало все же диалог неправительственных специалистов и экспертов в области разрешения конфликтов и не отдавало первенства представителям широких общественных кругов («гражданского общества» в его демократическом понимании), то Сондерс именно эту «гражданскую» составляющую ставит во главу угла в качестве абсолютного приоритета. Его подход к диалогу второго трека, как и позиция неправительственного Фонда Кеттеринга, в котором он тогда работал, были основаны, прежде всего, «на совещательном общественном договоре» (с. 21) и гражданском диалоге. Несомненные преимущества такого диалога включали: возможность начать его задолго до стадии официальных переговоров, когда стороны конфликта по тем или иным причинам еще не готовы разговаривать друг с другом (т. е. на предпереговорной стадии), незаменимую роль, которую такой диалог способен сыграть в «процессе формирования конструктивных взаимоотношений между сторонами» (с. 123), а также в «неформальном выявлении принципиальных интересов сторон» и «преодолении интеллектуальных и психологических барьеров» между ними (с. 134).

Вторая основа концепции, тесно связанная с первой, – это однозначный отказ от назойливого, гиперактивного, а порой и «агрессивного» внешнего модерирования переговорного процесса, которое начало быстро распространяться

с ростом числа мирных процессов в 1990-е гг. (один из ярких примеров – Дейтонские переговоры по Боснии). Вместо этого предполагалось предоставление большей самостоятельности самим участникам «гражданского диалога»: «речь не о выполнении роли неких посредников от той или иной стороны, а скорее, о миссии специалистов по налаживанию переговорного процесса, который далее конфликтные стороны могли бы вести и поддерживать сами» (с. 142). Собственно, предлагалась «площадка для диалога и определенное модерирование с нашей стороны» (с. 146). Этой же цели – как и предыдущей (приоритету гражданского диалога) – должен быть служить принцип не включать в такие переговоры руководящих деятелей из высшего эшелона власти, а, если необходимо, вместо них допускать участников так называемых второго и третьего эшелона (с. 146).

И, наконец, третья основа, давшая окончательное название самому формату и, на наш взгляд, ставшая главным вкладом этой модели в содействие мирным переговорам. Это ключевое внимание к *динамике процесса* переговоров в рамках пятиступенчатой модели диалога. Точка отсчета здесь – то, что речь идет именно о процессе, причем длительном, на разных этапах которого могут понадобиться разные инструменты (с. 125) и шаг за шагом можно последовательно добиваться результатов – от более скромных на первых этапах до более значимых и существенных на последующих стадиях. Для Сондерса устойчивый диалог – это «концептуализация того, чем занимаются люди в условиях конфликта, находясь в безопасном месте, созданном для ведения диалога на систематической основе в течение продолжительного времени [курсив мой – Е.С.]». Собственно, Сондерс еще в 1985 г. разделил этот процесс на пять взаимосвязанных этапов (с. 126): (1) определение и формулирование проблемы, которую обе стороны считают таковой; (2) принятие решения о целесообразности действий по ее разрешению переговорным путем; (3) организация переговоров; (4) проведение переговоров в целях достижения соглашения; (5) реализация соглашения как условие следующих шагов для продолжения мирного процесса. Однако лишь в начале 1990-х гг. Сондерс, наконец, твердо пришел к тому, что «развитие взаимоотношений в рамках устойчивого диалога можно представить в виде определенной схемы последовательных действий», предложив стройную, пятиступенчатую последовательность этапов такого диалога, начиная с предпереговорной стадии (когда потенциальные участники еще только взвешивают, присоединиться ли к нему вообще или нет). Последующие этапы включают (с. 137–139): определение проблемной зоны и повестки дня; анализ конкретных проблем в ходе определенной непрерывной последовательности встреч участников диалога, заинтересованных в ее разрешении; трансформацию группы участников диалога в некое подобие лаборатории, исследующей отношения между сторонами конфликта и предлагающую сценарии интерактивных шагов для достижения позитивных изменений; наконец, выход из сферы дискуссий в более широкое политическое пространство и оказание практического воздействия, в т. ч. на ход официального переговорного процесса.

(б) Апробация модели в ходе межтаджикского мирного процесса

Первым и наиболее успешным примером применения модели устойчивого диалога Г. Сондерса («Сондерса-Чуфрина») стал межтаджикский диалог, который велся с марта 1993 г. и продолжался и после заключения мирных соглашений 1997 г., на постконфликтном этапе. Подробный разбор этого процесса представлен в Главе 9 (Часть III). Этот кейс также стал редчайшим примером того, как сначала

специалисты-конфликтологи разработали модель ведения переговорного процесса,⁷ а потом она была воспроизведена на практике, оказавшись весьма эффективной в конкретных условиях урегулирования гражданской войны в Таджикистане. Связь здесь была прямой даже на персональном уровне – сопредседателями встреч межтаджикского диалога были Г.И.Чуфрин и Г.Сондерс, а содействие в его организации оказывали В.В.Наумкин и И.Д.Звягельская с российской стороны и Т.Гуттьер и Р.Слим – с американской (все они были делегированы Дартмутской Рабочей группой по региональным конфликтам).

Подчеркнем, что в Таджикистане речь шла о внутреннем конфликте нового типа – многоуровневом, с высоким уровнем фрагментации насилия и множеством вооруженных игроков, переплетенном с массовыми протестными выступлениями, смесью политических и регионально-клановых междоусобиц, распространением межобщинного насилия на локальном уровне, а также полуавтономных полевых командиров и проправительственных военизированных формирований, с разномастной вооруженной оппозицией во главе с исламистами, с низко-средним уровнем интенсивности вооруженного противостояния при его высокой смертоносности, а также постоянными выплесками насилия за границы Таджикистана. В этом смысле гражданская война в Таджикистане стала предвестником все более распространенного типа конфликтов в последующие десятилетия (т. е., скорее, «конфликтом XXI века», в отличие, например, от нагорно-карабахского противостояния как «конфликта XX века» с его более жесткой структурированностью и сильной межгосударственной и конвенциональной составляющей). Все эти особенности крайне затрудняли задачу решения конфликта в принципе – и путем переговоров с использованием методов традиционной дипломатии, в частности. Тем не менее, несмотря на всю внутреннюю сложность межтаджикского конфликта и высокую степень фрагментации насилия, он и по сей день продолжает оставаться единственным примером на постсоветском пространстве, когда конфликт удалось успешно урегулировать путем мирных переговоров (ни до, ни после этого в постсоветской Евразии ничего подобного не случилось). Немалая, хотя и не единственная, заслуга в этом принадлежит как раз эффективному применению модели устойчивого диалога второго трека.

Остановимся лишь на ряде особенностей апробации этой модели в контексте межтаджикского урегулирования. Изначально целью представителей Дартмутской Рабочей группы было не прямое модерирование общественного диалога, а формирование группы участников такого диалога с тем, чтобы они уже в ходе последующих встреч и дискуссий сами предложили и очертили формат и основные направления мирного процесса для своей страны. Такой неформальный диалог, который начался еще в разгар боевых действий в самом Таджикистане, преследовал двойную задачу: с одной стороны, определить и углубленно обсудить на неформальном уровне, но в рамках достаточно репрезентативной группы, ключевые вопросы, по которым, собственно, и велось вооруженное противостояние, а с другой стороны, попытаться понять, что в динамике взаимоотношений сторон конфликта создает наибольшие проблемы для конструктивного диалога между ними и как изменить эту динамику. Иными словами, в рамках данного формата равнозначное внимание уделялось как фундаментальным разногласиям между сторонами, так и динамике взаимоотношений между ними.

Межтаджикский диалог развивался в соответствии со стадиями пятиступенчатого формата Сондерса-Чуфрина, лишь с некоторыми поправками на

реалии, контекст и динамику событий. На первом, предпереговорном этапе будущие и потенциальные участники диалога еще решали, стоит ли им вообще разговаривать с представителями противоположной стороны. Посредники, прежде всего российские эксперты, контактировали с более сотней таджикских граждан, руководствуясь принципом обеспечить максимально широкую представительство различных общественно-политических сил. В результате этой работы в марте 1993 г. в Москве состоялась первая встреча – тогда в составе всего восьми участников, неформально представлявших различные таджикские фракции. На втором этапе они уже пытались определить и составляли список основных проблем между сторонами и анализировали характер их взаимоотношений. На третьем этапе они совместно искали подходы к каждой ключевой проблеме и пришли к первым, хотя еще и общим, выводам о том, как их можно решать. При этом первые шесть встреч межтаджикских консультаций второго трека, состав которых постепенно расширялся, состоялись в течение года (т. е. шли непрерывно) еще до начала в апреле 1994 г. официальных переговоров о мире между конфликтующими сторонами под эгидой ООН. На очередном заседании диалога в октябре 1993 г., в частности, обсуждалось, как начать формальные переговоры между сторонами, и группа пришла к выводу, что основным препятствием к этому служит идеологическая и географическая раздробленность оппозиционных сил. После этого всеми заинтересованными, в т.ч. внешними, игроками были предприняты усилия по стимулированию формирования единой платформы оппозиционных сил (впоследствии получившей название Объединенной таджикской оппозиции).

На четвертой стадии участники диалога уже занялись разработкой сценариев действий и стратегическим планированием урегулирования конфликта. На этой стадии – на шестом заседании группы (март 1994 г.), за месяц до начала официальных переговоров, она подготовила свой первый совместный документ («Меморандум о переговорном процессе в Таджикистане»), в котором был предложен ряд рекомендации по организации и содержанию мирного процесса. Многие из них впоследствии были учтены в ходе мирных переговоров. После начала официальных переговоров участники неформального межтаджикского диалога скорректировали его задачи, основной из которых стала разработка политического процесса по национальному примирению. В частности, с марта 1995 г. участники диалога начали обсуждать концепцию «переходного периода» от выборной системы, которая исключала участие в ней умеренных исламистских сил, к более инклюзивной модели. В мае 1996 г. участники диалога впервые встретились на территории самого Таджикистана – в Душанбе. Уже тогда, обсуждая препятствия на пути к национальному примирению, участники пришли к выводу, что главная опасность состоит в отсутствии адекватного понимания принципа разделения власти – между регионами, политическими партиями, этническими группами и т. п. (этот вывод оказался пророческим и в полной мере характеризует ситуацию в Таджикистане и годы спустя после заключения мира – вплоть до сегодняшнего дня).

Диалог продолжился и на пятой стадии – уже после подписания сторонами конфликта мирного соглашения под эгидой ООН в июне 1997 г. в Москве, на «переходном» этапе его реализации. И на этой стадии использовались практические наработки, предложенные в рамках общественного диалога: в частности, Комиссия по национальному примирению работала в формате тех же подгрупп (по возвращению беженцев, политическим реформам, разоружению и восстановлению экономики). Всего только за период с 1993 г. по конец 2000 г.

состоялось 29 встреч межтаджикского общественного диалога. После 2000 г. диалог продолжался уже под эгидой Международного института устойчивого диалога (США) и таджикского НПО – Общественного комитета по содействию демократическим процессам в Таджикистане (см. Главу 12 за авторством Р.Слим).

В целом, неформальный «устойчивый диалог» на общественном уровне сыграл важнейшую роль в формировании готовности сторон межтаджикского конфликта начать официальные переговоры друг с другом и в углубленной подготовке и предварительной проработке повестки и отчасти даже формата официальных мирных переговоров и реализации мирного соглашения 1997 г. Этот диалог, безусловно, содействовал успеху многоуровневого мирного процесса в Таджикистане.

III. Проблемы и ограничения гражданского диалога в контексте развития формата второго трека

Межтаджикский диалог – это редкий, хотя и не единственный пример эффективного применения на практике модели устойчивого пятиступенчатого общественного диалога к урегулированию вооруженных конфликтов. Еще один приведенный в книге пример успешного использования модели такого диалога относится не к вооруженному конфликту, а к межобщинным трениям на локальном уровне в ЮАР (он рассмотрен Т.Немероффом в Главе 13). Другие примеры использования этой модели в начале 2000-х гг. не принесли видимых результатов или окончились неудачей. Среди них – диалог по карабахской проблеме между представителями Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, который велся в 2001–2007 гг. (он проанализирован Ф.Стюартом в Главе 10), а также первый «устойчивый диалог» за пределами постсоветского пространства – арабо-европейско-американский диалог 2004–2007 гг. (Глава 11 за авторством Р.Слим). В этом смысле надо отдать должное основному автору книги и его коллегам, уделившим внимание и неудачам, и ограничениям в применении такого формата. Со своей стороны, хотелось бы выделить три основных причины таких неудач.

Во-первых, отсутствие особенных успехов в дальнейшем применении «классической» модели устойчивого гражданского диалога, описанной Сондерсом, к урегулированию конфликтов в XXI в. особенно показательно на фоне общего подъема, распространения и развития формата второго трека в его первоначальном, более идеологически нейтральном, если угодно, функционально-техническом смысле (как неформальных дискуссий и переговоров между представителями сторон конфликта на неправительственном уровне). Популярность второго трека объясняется как учатившейся неэффективностью традиционных форматов в разрешении сильно усложнившихся, фрагментированных, многоуровневых современных конфликтов, так и новыми возможностями для более широкого неправительственного диалога на уровнях от локального до национального, регионального и т. п. Однако конкретные формы наиболее востребованных сегодня форматов второго трека в зонах основных вооруженных конфликтов могут существенно отличаться от модели устойчивого гражданского диалога, описанной в книге Сондерса.

В определенном смысле гражданская война в Таджикистане 1990-х гг. и контекст ее урегулирования представляли уникальную, «оптимальную» лабораторию для тестирования модели устойчивого общественного диалога. С одной стороны, конфликт в Таджикистане 1990-х гг. роднит с большинством конфликтов XXI в. высокий уровень фрагментации насилия и вооруженных игроков

(можно, например, усмотреть определенные параллели между ним и конфликтом в Сирии 2010-х гг. в плане раздробленности вооруженной, в основном, исламской оппозиции, активной роли в конфликте проправительственных милиций и т. п.). С другой стороны, в Таджикистане шла классическая гражданская война за контроль над центральным правительством, роль этнических и сектарных противоречий была минимальна (в основном таджики воевали с таджиками), действовала не только религиозная, но и светская оппозиция, существовали элементы пусть лишь нарождающегося, но реального, а не имитационного или привнесенного извне гражданского общества, степень транснационализации конфликта была сравнительно невысокой и не выходила за рамки ограниченных трансграничных выплесков насилия в направлении соседних стран (и из них), а практически все основные внешние державы и соседи по региону были заинтересованы в урегулировании конфликта. В этом смысле в контексте наиболее проблемных, затяжных и интенсивных современных вооруженных конфликтов по всем этим пунктам дело нередко, и даже как правило, обстоит как раз наоборот, что в принципе значительно осложняет задачу их устойчивого урегулирования мирным (как, впрочем, и военным) путем. До половины и более «завершившихся» современных конфликтов в принципе не решается ни устойчивыми мирными договоренностями, ни даже военным путем – они просто затихают сами по себе до поры до времени с тем, чтобы возобновиться в любой момент.

Во-вторых, если вернуться к самому диалогу как пути урегулирования конфликтов, то он сам по себе еще не является решением проблемы. Диалог – это инструмент на пути к решению, а не решение. Есть и более важные факторы для успеха мирных переговоров, чем конкретный формат мирного процесса. На глубинном уровне готовность противоборствующих сторон к переговорам в гораздо большей степени определяется рядом фундаментальных военно-политических, социально-экономических и иных условий (от патовой ситуации в вооруженном противостоянии, взаимного истощения сторон, развала экономики до изменения характера и уровня прямого и косвенного внешнего вмешательства в ход внутреннего конфликта), чем наличием устойчивого гражданского диалога на ранних стадиях урегулирования. Поэтому абсолютизировать пятиступенчатую модель общественного диалога как формат и механизм второго трека в любом случае не стоит – тем более, что сам Сондерс говорит о ней как о «взятой в качестве гибкой основы, а не шаблона» (с. 22).

Но главное, в-третьих, представленная в книге Сондерса концепция устойчивого гражданского диалога – во многом неизбежно – не чужда тому, что можно было бы назвать «демократическим идеализмом». Он проявляется, прежде всего, в явной переоценке автором роли гражданского общества, особенно на ранних стадиях мирных процессов, и некритичной оценке им самой применимости категории «гражданского общества» (в том виде, как она понимается в постиндустриальных западных демократиях) к контексту многих современных конфликтов, особенно в исламском мире, на который в первые десятилетия XXI в. как раз и приходится большинство наиболее интенсивных и широко транснационализированных региональных конфликтов в мире. Не следует переоценивать возможности, ресурсы и достижения диалога на уровне гражданского общества. Базовая идея Сондерса состоит в том, что граждане могут наладить диалог в разделенном конфликтом обществе и договориться даже тогда, когда правительства или их вооруженные оппоненты еще не могут и не готовы к этому. Но может быть и наоборот: так, одна из причин провала применения модели устойчивого общественного диалога к урегулированию конфликта в Нагорном

Карабахе в первое десятилетие XXI в. состояла не столько в позиции правительств Армении и Азербайджана, сколько в настрое широких общественных кругов в, подчеркнем, сравнительно демократической, по постсоветским меркам, Армении (а также армянской диаспоры) против любой мирной сделки с Азербайджаном за счет уступок с армянской стороны. Несмотря на отдельную главу, посвященную этому опыту, соавторы книги отказываются признать эту реальность – вероятно, потому, что она не укладывается в модель Сондерса, преувеличивающую роль гражданского общества и значения гражданского диалога в разрешении вооруженных конфликтов, особенно на ранних этапах этого процесса.

С этой точки зрения показателен и современный российский опыт переговоров в формате «второго трека». Из новых и продолжающихся примеров такого формата с той или иной степенью российского участия следует особо выделить межафганский диалог в Москве (первые две встречи которого состоялись в феврале и мае 2019 г.). Как и модель Сондерса-Чуфрина, межафганский диалог подпадает под категорию второго трека как неформальный диалог на неправительственном уровне и имеет некоторое сходство с ней. Тем не менее *он особенно явно демонстрирует ряд важных отличий от формата устойчивого гражданского диалога*, что не мешает рассматривать его как сравнительно успешный пример, в т. ч. на фоне параллельных инициатив, предпринимаемых США, Катаром и т. п. Упомянем лишь о двух таких отличиях.

Во-первых, хотя межафганский диалог (в отличие, например, от активно модерлируемого Россией и региональными державами-посредницами Конгресса народов Сирии в Сочи в феврале 2018 г.) ближе к «облегченному модерированию» по типу устойчивого диалога. Однако организаторы межафганских встреч пошли гораздо дальше в обеспечении прямого диалога между представителями разных сторон конфликта и фракций (возможно, в рамках российского опыта, дальше, чем когда-либо). На встречах диалога отсутствовали не только дипломаты – впервые был обеспечен диалог вообще без какого-либо внешнего модерирования, будь то со стороны страны-хозяйки или общественных фигур. Следует признать, что эта ставка полностью сыграла, обеспечив прямой и вполне конструктивный диалог между бывшими заклятыми врагами – лидерами моджахедов Северного альянса и представителями движения талибов, которые приняли совместное коммюнике по итогам первой же встречи.

Во-вторых, межафганский диалог, оставаясь, по крайней мере пока, неправительственным, неформальным переговорным треком – это никак не «мирный процесс силами гражданского общества». Это гораздо более жесткий, прямой – но одновременно и более адекватный афганским реалиям – формат, в котором упор сделан на участие прямых, а не опосредованных представителей основных заинтересованных неправительственных игроков, в т. ч. ключевых (военно-)политических лидеров Афганистана, при чисто символическом участии всего лишь нескольких представителей общественных организаций и НПО, которых можно было бы причислить к «гражданскому обществу». Соответственно, московский межафганский диалог, к которому удалось привлечь именно афганских игроков высшего политического и военно-политического калибра (хотя и не входящих в правительство), не соответствовал и принципу Сондерса не включать руководящих деятелей высшего эшелона. В этом смысле московский диалог ближе к так называемому полуторному формату, даже несмотря на отсутствие представителей правительства.

Подчеркнем, что в данном случае речь не о невнимании или неуважении к «гражданскому обществу» как таковому и не об отрицании демократических

процессов или важности гражданских прав в принципе. Речь о расстановке приоритетов (когда на ранних этапах мирного процесса главное – это попытаться свести вместе непосредственных участников конфликта). Речь также о стремлении отразить общественный расклад в виде, более адекватном афганским реалиям (когда значительная или даже бóльшая часть так называемого гражданского общества – это сравнительно узкий слой городских, в основном прозападных, элит, многие представители которого даже не связывают будущее – свое и особенно своих детей – с собственной страной, тем более в случае заключения мира с исламской оппозицией). В этом смысле межафганский диалог в Москве – это далеко не Дартмутская и даже не межтаджикская схема. Это оригинальный, третий вариант. Как видно на этом примере, Россия не просто учитывает опыт «устойчивого диалога» – она его успешно и творчески развивает, выходя за его рамки.

***

Подытожим: значение предложенного, а главное, опробованного на практике Г. Сондерсом и его коллегами из США, России и других стран формата и механизма устойчивого общественного диалога в конфликтах бесспорно. При этом наиболее ценным и универсальным вкладом этой модели в развитие теории и практики переговоров второго трека в мирных процессах является то особое внимание, которое она уделяет именно динамике неформального диалога на неправительственном уровне, этапам и возможностям его интенсификации и углубления по нарастающей, а также роли самих участников диалога в формировании его формата и повестки.

Однако это не должно затенять и не отменяет того факта, что в конце 2010-х гг. сравнительного успеха в содействии переговорам второго трека, нацеленным на мирное урегулирование конфликтов, России удавалось добиться:

(а) все чаще самостоятельно или в координации со странами регионов, служащих ареной вооруженных конфликтов и все реже – в рамках посреднических форматов на уровне «великих держав», особенно во взаимодействии с западными партнерами;

(б) не только и не столько в виде активно модерлируемых, инициированных и направляемых внешними, в т. ч. российскими, специалистами дискуссий (например, в ходе Конгресса народов Сирии в Сочи), сколько в результате предоставления сторонам возможности ведения максимально прямого, минимально (или вообще не) модерлируемого диалога (например, в рамках межафганского диалога);

(в) не только и не столько в форме широкого диалога между представителями гражданского общества в «чистом виде», в его традиционном понимании (на уровне НПО и гражданских активистов, экспертных кругов, представителей технической и творческой интеллигенции, общественных деятелей, журналистов), но и путем содействия компактному, но сфокусированному *неправительственному диалогу между прямыми представителями вооруженных оппонентов* – от крупных регионально-политических, этнических, клановых сил и группировок до ключевых негосударственных вооруженных игроков. Хотя в организации такого процесса (примером которого служит московский межафганский диалог 2019 г.) большим подспорьем могут служить диаспорные, земляческие, профессионально-корпоративные и иные неформальные контакты, роль в нем НПО и других структур и представителей гражданского общества современного («западного») типа и

соответствующей повестки как раз невелика, если не минимальна – по крайней мере, на ранних стадиях процесса. Хотя в долгосрочном плане движение на пути к мирным соглашениям и их реализация потребуют вовлеченности более широких общественных кругов, на ранних этапах диалога роль такого «гражданского общества» в контекстах, подобных афганскому, не может быть приоритетной.

Таким образом, как следует из этих кратких «заметок на полях» последней книги Сондерса, на описанной им парадигме ни в коем случае не следует замыкаться, в т. ч. заинтересованным российским экспертным, общественным, а тем более научным кругам (а также соответствующим специалистам, работающим в российских государственных структурах, так или иначе связанных с подготовкой, курированием или мониторингом любых переговорных процессов, каким бы «вторым» или «полуторным» треком они не именовались). Модель устойчивого многоступенчатого общественного диалога второго трека как важного подспорья, части и этапа мирного процесса необходимо не столько копировать, сколько *творчески развивать*, что Россия, собственно, и делает на практике и к чему, собственно, нас и призывает Г. Сондерс в своей книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Данное издание представляет собой перевод на русский язык книги: Saunders H.H. Sustained Dialogue in Conflicts: Transformation and Change. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. Другие известные книги Г. Сондерса, ставшие классикой научной литературы в области исследований мира и конфликтов, включают: The Other Walls: The Arab-Israeli Peace Process in a Global Perspective. Rev. ed. – Princeton: Princeton University Press, 2015 (ориг. изд.: 1985), а также A Public Peace Process: Sustained Dialogue to Transform Racial and Ethnic Conflict. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999.

² Термин «второй трек», или «второе направление» дипломатии (англ. “Track Two” diplomacy) для обозначения систематического диалога на неформальном, неправительственном уровне (наряду с термином «первый трек» для обозначения переговоров на уровне официальной дипломатии) был введен еще в 1981 г. американским дипломатом Джозефом Монтвилем. Davidson W.D., Montville J.V. Foreign policy according to Freud // Foreign Policy. № 45. Winter 1981–1982. P. 145–157. В данной статье-рецензии именно этот термин как более универсальный и нейтральный используется в качестве основного.

³ Примером может служить работа российской-американской «Группы Бойсто» (по названию острова близ Хельсинки, где в июне 2014 г. состоялась ее встреча) по поиску путей прекращения огня на востоке Украины. В работе группы приняли участие сотрудники ИМЭМО РАН, который также выступил соорганизатором встречи.

⁴ См. онлайн-трансляцию презентации этой книги 18 декабря 2018 г., организованной совместно Российским советом по международным делам (РСМД) и Институтом востоковедения РАН: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nqDJ8zeEVJc>.

⁵ Конечно, само существования такого формата было возможно только с принципиального согласия соответствующих государственных структур, под их «присмотром» и в контакте с ними.

⁶ Г.И. Чуфрин (ныне – академик РАН и руководитель научного направления ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН) был сопредседателем Рабочей группы с 1988 г. (до этого, в 1982-1988 гг., с российской стороны ее возглавлял Е.М. Примаков).

⁷ Chuftrin G., Saunders H. A public peace process // Negotiation Journal. V. 9. № 1. 1993. P. 155-177.